

НАВСТРЕЧУ ЮБИЛЕЮ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научная статья
УДК 340.12

В. А. Томсинов*

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.: ФАКУЛЬТЕТ СОВЕТСКОГО ПРАВА

***Аннотация.** Статья посвящена факультету советского права, который существовал в 1-м Московском государственном университете с июня 1925 по апрель 1931 г. В рамках данного факультета произошло в значительной мере возрождение системы подготовки юристов, действовавшей до революции 1917 г. в императорском Московском университете.*

В статье раскрываются предпосылки и причины новой реформы юридического образования в Советской России, результатом которой стало появление в Московском университете вместо правового отделения ФОНа факультета советского права; дается характеристика внутренней организации факультета, анализ его учебной программы и применявшейся методики преподавания юридических наук. Особое внимание уделяется студенчеству, преподавательскому коллективу и руководителям факультета.

Статья состоит из трех разделов: введение; создание факультета советского права 1-го МГУ — структура, учебный план и методика преподавания юридических наук; студенты, преподаватели, деканы факультета советского права.

Ключевые слова: Советская Россия, Московский университет, советское правоведение, юридическое образование, факультет советского права.

Для цитирования: Томсинов В. А. Юридическое образование в Московском государственном университете во второй половине 1920-х годов: факультет советского права // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2025. № 6. С. 210–242.

DOI: 10.55959/MSU0130-0113-11-66-6-14

* Владимир Алексеевич Томсинов — доктор юридических наук, профессор; заведующий кафедрой истории государства и права, юридический факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия); tomsinov@yandex.ru

© Томсинов В. А., 2025.

Введение. Учреждение в 1-м Московском университете факультета советского права произошло в дни, когда в Москве проходила XIV конференция Российской коммунистической партии (большевиков), и это совпадение было не случайным.

К середине 1920-х гг. в руководстве РКП(б) возобладало мнение о том, что ориентация Советского государства на мировую революцию, которая означала превращение нашей страны в хворост для разжигания мирового революционного пожара¹, себя не оправдала. Расширенный пленум Исполкома Коминтерна, заседавший с 21 марта по 6 апреля 1925 г., констатировал, что темп мировой революции замедлился, что наступает полоса «более или менее затяжного развития мировой революции»². В этих условиях еще более очевидной стала необходимость формирования в нашей стране вместо **революционной** государственности, ориентированной на мировую социалистическую революцию и осуществление утопии мирового коммунистического порядка, государственности **отечественной** как по своему предназначению, так и по социальной базе.

В партийных документах того времени данный политический поворот назывался «укреплением пролетарского государства». Но в действительности он подразумевал не просто укрепление, а качественное изменение государственности — превращение Советского государства в силу, способную не только защищать страну от агрессоров и преодолевать возникающие внутри нее разрушительные процессы, но и развивать общество, создавать промышленность, обеспечивать рост сельского хозяйства, стимулировать культурное развитие населения. Все это в свою очередь требовало создания в стране прочного, устойчивого правопорядка.

XIV конференция РКП (б), которая работала с 27 по 29 апреля 1925 г., приняла резолюции, касавшиеся партийного строительства, сельского хозяйства, промышленности и новых задач Коминтерна, сформулированных на только что состоявшемся пленуме его исполнительного комитета. Но важнейшим с точки зрения государственных интересов результатом работы данной конференции было принятие

¹ Эта ориентация ясно выразилась в «Декларации об образовании Союза Советских Социалистических Республик», составившей первый раздел Конституции СССР 1924 г. Декларация завершалась заявлением о том, что «доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем, что новое союзное государство является достойным увенчанием заложенных еще в октябре 1917 года основ мирного сожительства и братского сотрудничества народов, что оно послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в **Мировую Социалистическую Советскую Республику**» (выделено мной. — В. Т.).

² Расширенный пленум исполкома Коммунистического интернационала (21 марта — 6 апреля 1925 г.). Стенографический отчет. М.—Л., 1925. С. 498.

резолуции «О революционной законности». В ней признавалось, что «интересы укрепления пролетарского государства и дальнейшего роста доверия к нему со стороны широких масс крестьянства в связи с проводимой ныне политикой партии требуют максимального упрочения революционной законности»³. Это требование было названо в резолюции «одной из основных задач, стоящих в настоящий момент перед Советской властью»⁴. Партийному руководству поручалось разработать «все необходимые организационные мероприятия для укрепления революционной законности»⁵, опираясь на указания В. И. Ленина, высказанные им в письме, написанном еще в мае 1922 г., но впервые опубликованном в газете «Правда» 23 апреля 1925 г.⁶

Создание факультета советского права 1-го МГУ: его структура, учебный план и методика преподавания юридических наук. Осуществление провозглашенного XIV конференцией большевистской партией курса на укрепление законности требовало большого количества квалифицированных юристов, но факультеты общественных наук (ФОНы), в рамках которых преподавались юридические науки, не могли обеспечить их выпуск в надлежащем количестве и качестве. Они создавались прежде всего для идеологического перевоспитания студенчества, внушения ему приверженности к марксизму-ленинизму, поэтому специальной подготовке к юридической профессии в рамках этих учебных заведений уделялось второстепенное внимание. Создание в университетах вместо правовых отделений ФОНа факультетов советского права выражало стремление восстановить университетское юридическое образование в прежнем его предназначении, т. е. в качестве системы подготовки профессиональных юристов.

В свете этого совсем не случайным представляется назначение 15 мая 1925 г. Главным управлением профессионального образования Наркомпроса на должность ректора 1-го МГУ Андрея Януарьевича Вышинского⁷, занимавшего до этого пост прокурора Верховного суда

³ Четырнадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков). (Стенографический отчет). М.-Л., 1925. С. 305.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 306.

⁶ В упомянутом письме, которое при публикации получило название «О двойном подчинении и законности», Ленин, требуя принять меры для поддержания во всей стране «единой законности», предлагал «установить подчинение местной прокурорской власти только центру и сохранить за прокурорской властью право и обязанность опротестовывать все и всякие решения местных властей с точки зрения законности этих решений или постановлений, без права приостанавливать таковые, а с исключительным правом передавать дело на решение суда» (Правда. 1925. 23 апр. С. 1).

⁷ До А. Я. Вышинского пост ректора 1-го Московского университета занимал с 26 мая 1921 г. историк социалистической мысли В. П. Волгин (1874–1962). Любопытно, что Вячеслав Петрович тоже был меньшевиком и так же, как Андрей Януарьевич, не спешил после захвата власти большевиками становиться в их ряды, но вступил в РКП (б)

РСФСР. Появление во главе университета вскоре после учреждения в нем факультета советского права профессионального юриста означало, что юридическое образование в 1-м МГУ стало рассматриваться в советском руководстве как приоритетная сфера университетского обучения.

На посту ректора А. Я. Вышинский пробыл до 1 сентября 1928 г., т. е. всего три года и три с половиной месяца. Но за это время в Московском университете окончательно сформировался новый тип юридического образования, соответствующий новому этапу в развитии советского общества и государства.

18 мая 1925 г. в 1-м МГУ было переизбрано университетское Правление: к пяти его полноправным членам были добавлены два кандидата в члены Правления, один из которых являлся представителем от студенчества. Это была необходимая мера при смене ректора, который являлся одновременно председателем Правления университета.

А. Я. Вышинский был хорошо знаком с организацией преподавания наук в рамках упраздненного ФОНа: с 1922 г. он читал здесь лекции по истории XIX—XX вв. в качестве сверхштатного преподавателя⁸. Став ректором университета, Андрей Януарьевич продолжил в нем свою преподавательскую деятельность, читая студентам 4 курса судебного отделения факультета советского права курс уголовного процесса (2 ч. в неделю)⁹. В 1927 г. этот лекционный курс был издан в качестве учебного пособия¹⁰. Его содержание полностью развенчивает мнение о том, что на пост ректора старейшего и первейшего в России университета был назначен простой чиновник. Автором такого курса мог быть лишь человек незаурядных знаний и способностей — не только эрудированный ученый-правовед, знаток российского дореволюционного и послереволюционного законодательства, досконально изучивший труды отечественных правоведов и обладающий обширными историко-правовыми знаниями, но и юрист, способный разобраться в самых сложных юридических проблемах¹¹.

Главной своей задачей на посту ректора 1-го МГУ А. Я. Вышинский считал возрождение Московского университета как центрального

только в 1920 г. Уйдя с должности ректора, В. П. Волгин стал деканом этнологического факультета 1-го МГУ.

⁸ См.: Именные списки профессоров, преподавателей и научных сотрудников факультета общественных наук 1-го МГУ в Отчетах о состоянии и действиях 1-го Московского государственного университета за 1922, 1923 и 1924 гг. (М., 1923. С. 12; М., 1924. С. 9; М., 1925. С. 9).

⁹ Обозрение преподавания на факультете советского права 1-го М. Г. Ун-та на 1925—26 год. М., 1925. С. 16.

¹⁰ *Вышинский А. Я.* Курс уголовного процесса. М., 1927.

¹¹ Подробнее об этом см.: *Томсинов В. А.* Андрей Януарьевич Вышинский (1883—1954), государственный деятель и правовед. Статья 4 // *Законодательство*. 2017. № 11. С. 85—94.

для страны высшего учебного заведения и восстановление университетского юридического образования как особой системы профессиональной подготовки юристов. Он настоял, чтобы каждый факультет уже до конца 1925 г. выпустил в печатном виде свой проспект преподавания, позволяющий студентам и всем желающим получить представление об университете, его факультетах и характере университетского образования. В предисловии к проспекту преподавания на факультете советского права на 1925/26 уч. г., который был напечатан в декабре 1925 г., новый ректор писал: «Правление 1-го Московского государственного университета в план своей работы по восстановлению Университета вводит ряд таких моментов, которые имеют своей целью широкую информацию о целях, задачах и методах университетского преподавания. В соответствии с этим планом перед началом занятий Правление предложило факультетам провести со студенчеством собеседования, имевшие своей целью ввести в курс университетской работы не только молодняк нового призыва, но также и старшие курсы, недостаточно, может быть, осведомленные о стоящих перед ними в новом академическом году задачах»¹².

Официальной датой начала существования факультета советского права было назначено 1 июня 1925 г. К этому времени, согласно Декрету СНК РСФСР от 28 апреля, необходимо было завершить все подготовительные работы по преобразованию правового отделения ФОНа в факультет советского права и определить его структуру.

В «Отчете 1-го Московского государственного университета за 1925—26 г.» отмечалось, что «в отличие от факультета общественных наук, отразившего в себе все многообразие обществоведческих дисциплин и практических заданий, связанных с их изучением, факультет советского права имеет более узкую и вместе с тем более точную установку, делающую из него единый монолитный научно-учебный организм с резко очерченными специальными заданиями»¹³. Далее говорилось, что данный факультет «ставит своей задачей подготовку общественных работников с высшим юридическим образованием, для творческого участия их в деле социалистического строительства, проводимого Союзом Советских Социалистических Республик. Условия переходного периода в жизни СССР создают до чрезвычайности сложную социальную обстановку, чрезвычайную запутанность во взаимоотношениях между различными укладами всей нашей народно-хозяйственной жизни. Необходимость их правового осмысления и регулирования создает спрос на таких общественных работников,

¹² Вышинский А. Я. От Правления Университета // Обзорение преподавания на факультете советского права 1-го М. Г. Ун-та на 1925—26 год. С. 3.

¹³ Факультет советского права // Отчет 1-го Московского государственного университета за 1925—26 г. (с 1 января 1925 г. по 1 сентября 1926 г.). М., 1927. С. 271.

которые бы рука об руку с завоевавшим в Октябре власть рабочим классом строили новое право, внедряли в жизнь новую революционную законность»¹⁴.

В отличие от правового отделения ФОНа, где обучение длилось всего три года, на факультете советского права обучение занимало четыре года. Чтобы обеспечить с первого же года существования факультета советского права преподавание на всех его четырех курсах, студенты 2 курса правового отделения и отделения внешних сношений бывшего ФОНа были распределены в соответствии со степенью успешности своих занятий между 3 и 4 курсами¹⁵.

В рамках ФОНа больше половины времени обучения отводилось на преподавание идеологических, общих для всех отделений предметов (истории рабочего движения, диалектического материализма, политической экономии и т. п.) и всего год—полтора занимала специализация. На факультете советского права общегуманитарная подготовка давалась только на 1 курсе. Студентам-первокурсникам преподавались, согласно учебному плану, такие предметы, как история классовой борьбы в России и на Западе (лекции 4 ч. в неделю), общий курс статистики (2 ч. лекции+2 ч. групповых занятий), политическая экономия (2 ч. лекций+2 ч. семинары), основы советской конституции в связи с марксистским учением о государстве (2 ч. лекции+2 ч. семинары) и язык (2 ч. в неделю)¹⁶. Но уже со 2 курса здесь начиналось специализированное обучение юридическим профессиям.

Студенты распределялись по четырем отделениям: 1) *судебное*, предназначавшееся для подготовки «судебных работников: судей, прокуроров, следователей, нотариусов, защитников», сотрудников «администрации и инспекции мест заключения», «деятелей комиссий о несовершеннолетних, руководителей уголовного розыска»; 2) *хозяйственно-правовое* — для подготовки «юрисконсультов по правовым вопросам хозяйственных наркоматов, хозорганов, профсоюзных, кооперативных и др. специалистов»; 3) *государственно-административное* (с осени 1926 г. — отделение *советского строительства*)¹⁷ — для подготовки «работников НКВД, РКИ, ГПУ, НКФ, организо-

¹⁴ Там же.

¹⁵ Студенты, окончившие 1 курс правового отделения ФОНа, были зачислены на 2 курс факультета советского права. Студентам же 3 курса была предоставлена возможность полностью завершить свое обучение на факультете общественных наук.

¹⁶ Обзорение преподавания на факультете советского права 1-го М. Г. Ун-та на 1925—26 год. С. 13.

¹⁷ М. М. Исаев в статье «О высшем юридическом образовании в РСФСР», опубликованной в декабре 1927 г. в № 6 журнала «Советское право», характеризую отделения факультета советского права, отмечал: «Отделение советского строительства готовит работников по линии НКВД и НК РКИ. Отсюда углубленное изучение вопросов государственного и административного права» (с. 119).

ров-администраторов орготделов и оргчастей ЦИКов, областных и окружных исполкомов и ГИКов»; 4) *международное* — для подготовки «работников НКВД, Наркомторга, работников иностранных отделов Наркоматов»¹⁸.

В первоначальном варианте структуры московского факультета советского права предусматривалось три отделения: судебное, хозяйственно-правовое и государственно-административное с международным циклом¹⁹. Соответственно и в учебном плане факультета государственно-административное отделение разделялось на два цикла: «государственно-административный цикл» и «цикл международного права»²⁰.

Однако после того, как на факультете советского права начался учебный процесс, было признано целесообразным развернуть цикл международного права в полноценное отделение. Предметная комиссия государственно-административного отделения составила новый учебный план подготовки специалистов для внешнеполитических государственных органов, включавший дополнительные предметы и соответствовавший статусу самостоятельного специализированного отделения²¹.

В Отчете о деятельности 1-го МГУ с 1-го января 1925 г. по 1-е сентября 1926 г. было отмечено: «Область использования юридически образованных работников чрезвычайно широка и многообразна; в соответствии с этим и факультет делится на 4 отделения: 1) судебное, 2) хозяйственно-правовое, 3) государственно-административное и 4) международное. Каждое из этих Отделений ставит перед собой подготовку работников для какой-либо специальной области правового строительства»²².

В течение первого года работы факультета советского права в его рамках продолжали свою работу экономическое (317 студентов) и статистическое (58 студентов) отделения ФОНа.

Кроме того, от ФОНа факультету советского права перешли в качестве научных и учебно-вспомогательных учреждений *музей и кабинет криминологии и уголовной политики*²³ с обширной библиотекой, основу которой составили книги личного собрания Н. С. Таганцева, и кабинет хозяйственного права с библиотекой, состоявшей из почти 14000 книг.

¹⁸ Факультет советского права. С. 272.

¹⁹ *Удальцов И. Д.* Факультет советского права I МГУ // Обзорение преподавания на факультете советского права. С. 5.

²⁰ Учебный план факультета советского права // Там же. С. 9–10.

²¹ Факультет советского права // Отчет 1-го Московского государственного университета за 1925–26 г. С. 290.

²² Там же. С. 272.

²³ Данный учебно-вспомогательный кабинет был создан еще на юридическом факультете императорского Московского университета в 1902 г.

В рамках факультета советского права музей и кабинет криминологии и уголовной политики получил дальнейшее развитие. В его распоряжение были выделены довольно солидные денежные суммы, на которые были приобретены иностранные журналы на итальянском, немецком и французском языках за последние 36 лет, оформлена подписка на новейшие европейские периодические издания по уголовному праву и куплена коллекция материалов уголовного законодательства иностранных государств, в том числе уголовные кодексы 28 стран.

Постановлением деканата факультета советского права при кабинете хозяйственного права осенью 1925 г. была организована секция сравнительного правоведения для того, чтобы осуществлять подбор и систематизацию иностранного законодательного материала, подготовку докладов о развитии иностранного законодательства по хозяйственному праву, вести консультирование студентов при их самостоятельных работах в области иностранного хозяйственного права.

В дополнение к этим кабинетам на факультете советского права в октябре 1925 г. были созданы кабинеты государственного и административного права, а также кабинеты экономической политики (экономических наук) и статистики. С 1 февраля 1926 г. начал свою работу кабинет истории ВКП (б) и ленинизма.

Преподавание в рамках судебного, государственно-административного и международного отделений осенью 1925 г. началось сразу на трех курсах — со 2 по 4. Но на хозяйственно-правовом отделении вследствие особенностей его учебного плана — только на 2 и 3 курсах. 4 курс на этой специализации в первый учебный год отсутствовал²⁴.

Специализация юридического образования в 1-м МГУ основывалась не на различиях между преподававшимися юридическими науками, а на разнообразии задач, стоявших перед факультетом советского права, на дифференциации сфер и видов юридической деятельности — профессии, к которой готовились студенты.

Распределение студентов начиная со 2 курса на указанные четыре специализированных отделения являлось отличительной особенностью московского факультета советского права. В Ленинградском университете подобный факультет, открывшийся осенью 1926 г., делился лишь на два отделения: судебное и административно-хозяйственное. Причем студенты распределялись по этим отделениям только по окончании 3, а не 1 курса, как это было в Московском университете²⁵.

²⁴ Обзорение преподавания на факультете советского права. С. 16—17.

²⁵ Профессор факультета советского права ЛГУ В. М. Догадов писал, объясняя, почему специализация студентов по отделениям начиналась здесь, в отличие от московского факультета советского права, лишь на 4 курсе: «В основе такого построения учебного плана лежит мысль, что в течение первых трех лет обучения студенты факультета должны получить более или менее законченную общую юридическую подготовку, дабы уметь ори-

Правда, следует учесть, что административно-хозяйственное отделение на ленинградском факультете советского права разделялось в свою очередь на два самостоятельных цикла (специализации): а) административный, осуществлявший подготовку работников РКИ и исполкомов (орготделов и адмотделов), и б) хозяйственный, который готовил квалифицированных юристов-хозяйственников (юрисконсультов трестов, кооперативных организаций и т. п.).

В Иркутском, Саратовском и Ташкентском университетах факультет советского права отсутствовал. Студенты получали здесь юридическое образование без какой-либо специализации на отделении права и местного хозяйства, созданном в рамках социально-экономического факультета.

Специализация профессиональной подготовки юристов, осуществленная в рамках факультета советского права 1-го МГУ, была вполне разумной и прагматичной, она опиралась на практику юридической деятельности и в полной мере соответствовала интересам Советского государства. Подобной специализации юридического образования не было прежде ни в Московском университете, ни в каком-либо другом университете России.

Кроме трех специализированных отделений на факультете советского права 1-го МГУ было создано шесть предметных комиссий. В их функции входило обсуждение кандидатур на преподавательские должности, разработка и утверждение учебных программ по каждому предмету, совершенствование методики лекций и семинаров, т. е. все то, что составляет в настоящее время круг деятельности кафедр. Преподаватели обязаны были придерживаться утвержденных предметными комиссиями учебных программ при чтении лекций и проведении семинарских занятий. На правовом отделении ФОНа лекционные курсы читались, как правило, по программам, которые составлял каждый преподаватель-лектор, при этом программы лекций не согласовывались с программами семинарских занятий. Отсутствовала и единая методика чтения лекций и проведения семинаров. Создание предметных комиссий было попыткой преодолеть этот хаос в преподавании, упорядочить университетское юридическое образование.

Председателем предметной комиссии *гражданского права* стал профессор И. С. Перетерский. Комиссию *уголовного права* возглавил профессор М. М. Исаев., комиссию *государственно-административного права* — профессор А. И. Елистратов, председателем предметной комис-

ентироваться в работе, где бы им ни пришлось работать по окончании университета — в органах ли судебных, хозяйственных или административных. Назначение же четвертого курса — углублять и развивать познания учащихся в определенной специальной области и служить, таким образом, дополнением к той общей юридической подготовке, которая дается на первых трех курсах» (*Догодов В. М.* Факультет советского права Ленинградского государственного университета // *Революция права.* 1929. № 1. С. 116).

сии по *экономическим дисциплинам* был назначен профессор И.Д. Удальцов, по *историческим дисциплинам* — профессор В.К. Сerezников, по *новым языкам* (английскому, французскому и немецкому) — профессор Е.Б. Пашуканис²⁶.

Каждое специализированное отделение имело свой учебный план, но идеологические учебные дисциплины, как например: история ВКП и ленинизм, история хозяйственного развития России, история хозяйственного развития Западной Европы преподавались в одинаковом объеме на всех отделениях. Подобным же образом на каждом из отделений изучались и такие базовые юридические науки, как: государственное право СССР и союзных республик, административное право, уголовное право, финансовое право, судоустройство и судопроизводство. Правда, количество часов, отводившихся на преподавание этих наук, различалось в зависимости от характера специализации.

Распределение дисциплин по предметным комиссиям факультета советского права показывает, что в перечне учебных дисциплин, входивших в ведение предметной комиссии гражданского права, наука гражданского права отсутствовала. Под контролем данной предметной комиссии оказались следующие предметы: «1) Хозяйственное право, 2) История институтов частного права, 3) Гражданский процесс, 4) Земельное право, 5) Брачное, семейное и опекуное право, 6) Кооперация и кооперативное законодательство, 7) Промышленное право, 8) Частное международное право»²⁷.

Учебный план факультета советского права предусмотрел чтение лекций по хозяйственному праву на трех отделениях — государственно-административном, судебном и хозяйственно-правовом, а в дополнение — проведение семинариев по этому предмету в рамках судебного и хозяйственно-правового отделений²⁸. Преподавание же науки гражданского права данным учебным планом предусмотрено не было.

Эта особенность учебного плана созданного в Московском университете факультета советского права отражала возобладавшее в советской юридической науке к середине 1920-х годов представление о том, что гражданское право является юридической формой частной и рыночной экономики и поэтому не имеет никаких перспектив в плановой экономике, базирующейся на государственной собственности. Укреплению такого взгляда на гражданское право способствовало введение в Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. норм, подчинявших индивидуальные права и саму правоспособность интересам развития

²⁶ Предметные комиссии // Обзорение преподавания на Факультете советского права. С. 7–8.

²⁷ Распределение дисциплин по предметным комиссиям факультета сов[етского] права I МГУ // Там же. С. 8.

²⁸ Учебный план факультета советского права // Там же. С. 9–12.

народного хозяйства. Его первая статья декларировала: «Гражданские права охраняются законом, за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением». Согласно же четвертой статье, гражданская правоспособность предоставлялась всем гражданам, не ограниченным по суду в правах, «в целях развития производительных сил страны». Преподававший гражданское право на правовом отделении ФОНа 1-го МГУ профессор А. Г. Гойхбарг именно в этих статьях видел самое серьезное основание для того, чтобы считать Гражданский кодекс РСФСР законодательным выражением не гражданского, а хозяйственного права. Поэтому своей книге о Гражданском кодексе РСФСР, вышедшей в 1923 г., он дал необычное название — «Хозяйственное право РСФСР. Том 1. Гражданский кодекс».

Это мнение разделял и профессор правового отделения Л. С. Таль. В 1924 г. он опубликовал статью «Понятие и сущность хозяйственного права», в которой показал, что появление в правоведении вместо понятия «гражданское право» категории «хозяйственное право» отражало объективные процессы, происходившие в то время во всех развитых странах. По его словам, «движение в сторону коллективизма в хозяйстве стало одним из важнейших и крупнейших факторов современной общественной эволюции... Оно ставит науке права определенные задачи, требующие тщательного исследования и творческого разрешения. Для этого необходимо прежде всего систематическое сопоставление и анализ исследуемых явлений, т. е. всех правовых институтов, начал и идей, свойственных коллективистическому хозяйству, в отличие от индивидуалистического. В этом смысле необходимость особой дисциплины “хозяйственного права” властно диктуется жизнью»²⁹.

Предметная комиссия уголовного права, в отличие от предметной комиссии гражданского права, получила в свое ведение традиционные юридические науки: «1) Уголовное право, 2) Судостроительство, 3) Уголовный процесс, 4) Пенитенциарная политика, 5) Прокурорский надзор, 6) Судебная медицина, 7) Судебная психиатрия, 8) Учение о преступности, 9) Криминальная статистика»³⁰.

Самым широким и разнообразным был перечень учебных дисциплин, составивших сферу контроля предметной комиссии государственного и административного права. Он включал в себя: «1) Основы советской Конституции, 2) Административное право, 3) Трудовое право, 4) Государственное право СССР, 5) Государственное устройство буржуазных стран, 6) История политических учений, 7) Международное публичное

²⁹ Таль Л. С. Понятие и сущность хозяйственного права // Право и жизнь. 1924. Кн. 9. С. 23.

³⁰ Распределение дисциплин по предметным комиссиям факультета советского права 1 МГУ. С. 8.

право, 8) История институтов публичного права, 9) Местное управление, 10) Консульское право, 11) Советские международные договоры, 12) История внешних сношений, 13) Финансовое право»³¹.

Предметная комиссия по экономическим дисциплинам также имела в своем ведении тринадцать предметов: «1) Общий курс статистики, 2) Политэкономика, 3) История хозяйственного развития России, 4) История хозяйственного развития на Западе, 5) Профдвижение, 6) Учение о финансах, 7) Экономполитика, 8) Экономика промышленности, 9) Экономика сельского хозяйства, 10) Экономика торговли, 11) Счетоводство, 12) Экономгеография, 13) Мировая экономическая география»³².

Сфера ведения предметной комиссии по историческим дисциплинам включала в себя только четыре предмета: «1) Историю классовой борьбы в России, 2) Историю классовой борьбы на Западе, 3) Историю ВКП и ленинизм, 4) Исторический материализм»³³. Это были скорее идеологические учебные дисциплины, нежели научные системы знаний. Изучение мировой и российской истории не предполагалось даже в сокращенном объеме.

Наконец, предметная комиссия по новым языкам была создана для методического обеспечения преподавания французского, немецкого и английского языков.

Оценивая деятельность предметных комиссий в целом, следует отметить, что они сыграли весьма значимую роль при переходе от системы юридического образования, действовавшей в рамках ФОНа, к той его системе, которую воплощал собой факультет советского права 1-го МГУ. Однако полностью преодолеть прежний хаос в преподавании учебных дисциплин, упорядочить содержание программ и установить единую методику учебных занятий предметным комиссиям не удалось.

Одна из главных причин этого коренилась в состоянии отечественной юридической науки. Во второй половине 1920-х гг. советское правоведение находилось еще в стадии формирования. В нем не сложилось устойчивой иерархии юридических наук, на основе которой можно было бы создать стабильную, упорядоченную систему университетского юридического образования. Среди советских правоведов господствовали утвердившиеся в первые годы существования Советского государства представления о праве как орудии революции, взгляд на право как на явление, обреченное на отмирание в социалистическом обществе по мере его движения к коммунизму³⁴.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ В наиболее категоричной форме мысль об отмирании права в социалистическом обществе выражал в то время профессор факультета советского права А. Г. Гойхбарг.

В октябре 1927 г. в рамках факультета советского права было создано бюро заочного образования (факультет советского права на дому) с учебным планом, рассчитанным на 4-летний срок обучения³⁵.

С осени 1929 г. факультет советского права стал называться *факультетом советского строительства и права*. Эта перемена являлась чисто формальной: юридическое образование в Московском университете было с самого начала направлено на подготовку преимущественно работников государственного аппарата: прокуратуры, судебных органов, управлений внутренних дел, исполкомов советов и др.

27 декабря 1929 г. ректор 1-го МГУ И. Д. Удальцов во исполнение постановления ЦК ВКП (б) от 5 сентября 1929 г. «О мерах по упорядочению управления производством и установления единоначалия» издал приказ о реорганизации университетского управления. Согласно ему, правление университета было преобразовано в совещательный орган при ректоре, а деканаты в осуществление принципа единоначалия стали совещательными органами при деканах. Вся ответственность за состояние и работу факультета была целиком и полностью возложена единолично на декана.

При этом предметные комиссии упразднились, вместо них создавались кафедры во главе с заведующими, назначаемыми ректором университета. Система кафедр, обеспечивавших преподавание юридических дисциплин, отражала устоявшуюся к тому в советском правоведении классификацию правовых наук. В соответствии с ней было образовано 12 кафедр: 1) *общей теории права* (зав. Е. Б. Пашуканис), 2) *учения о советском государстве и советском строительстве* (зав. Н. И. Челяпов), 3) *гражданского права* (зав. П. И. Стучка), 4) *хозяйственно-административного права* (зав. Л. Я. Гинзбург), 5) *земельного права* (зав. А. П. Павлов), 6) *трудового права* (зав. И. С. Войтинский), 7) *уголовного права* (зав. А. Я. Эстрин), 8) *судебной медицины и психиатрии* (зав. Е. К. Краснушкин), 9) *международного публичного права* (зав. Е. А. Коровин), 10) *международного частного права* (зав. И. С. Перетерский), 11) *судебного права* (зав. С. М. Прушицкий), 12) *кооперативного законодательства и строительства* (зав. Я. Ф. Миколенко).

В 1924 г. он довольно решительно заявлял: «Мы отказываемся, таким образом, видеть в праве некоторую идею, которая явилась бы полезной и для рабочего класса, и для пролетариата. В свое время эта идея имела некоторый смысл, но в настоящее время в идеологии пролетариата она излишня, и ее необходимо вытравлять из пролетарских мозгов» (*Гойхбарг А. Г. Основы частного имущественного права (очерки)*. М., 1924. С. 22; *его же*. Несколько замечаний о праве // Советское право. Журнал Института советского права. 1924. № 1. С. 11–12).

³⁵ В 1931 г. бюро заочного образования было реорганизовано в Центральные заочные курсы советского права при Московском институте советского права, а в октябре 1933 г. данные курсы были переименованы в Центральный заочный институт советского права.

Для преподавания идеологических, политических и экономических дисциплин было создано 14 кафедр: 1) диалектического материализма, 2) истории ВКП(б) и ленинизма (коммунизма), 3) политической экономии, 4) экономической политики, 5) экономической географии, 6) экономики и планирования промышленности и транспорта, 7) экономики и планирования сельского хозяйства и колхозного строительства, 8) экономики и планирования товарооборота, 9) экономики и планирования труда, 10) счетоводства и балансоведения, 11) финансирования народного хозяйства, 12) мирового хозяйства, 13) внешней политики, 14) иностранных языков.

18 апреля 1930 г. вышел приказ Наркомпроса № 234 от 18 апреля 1930 г. о реорганизации 2-го Московского государственного университета, созданного в 1918 г. на основе Московских высших женских курсов. На базе трех его факультетов создавались три новых высших учебных заведения: 2-й Московский государственный медицинский институт, Московский институт тонкой химической технологии и Московский государственный педагогический институт.

1-й Московский государственный университет с этого времени стал снова именоваться просто Московским государственным университетом.

* * *

Создание в 1-м МГУ вместо правового отделения ФОНа факультета советского права изменило не только организационную основу университетского юридического образования, но также его содержание и методику. В результате этого произошло в значительной мере возрождение дореволюционной системы подготовки юристов. Революционер по духу, профессор факультета советского права М. А. Рейснер с нескрываемой горечью писал в 1925 г.: «Наше высшее образование, с упразднением факультетов общественных наук, как будто целиком возвращается к старым фабрикам юридических дипломов, а место различных областей политики хозяйства и управления начинают занимать, совершенно по старым образцам, бесчисленные отрасли юридической догматики. Программа современных правовых отделений положительно пестрит всевозможными “правами”. “Право кооперации” и “право земельное”, “право социального обеспечения” и “право гражданское”, “право хозяйственное” и “право административное”..., право, право и право, без конца. Только, только не хватает права полицейского и права церковного. Если бы дополнить ими наш список, то старый ассортимент “императорского юридического факультета” был бы дан в еще усовершенствованном и развитом виде. “Возрож-

дение” юридической литературы мы отчасти видели выше... Мертвые кости воскресли!»³⁶.

Система преподавания на факультете советского права отличалась от той, которая действовала в рамках правового отделения ФОНа, и своей методологией. А. А. Герцензон, окончивший в 1925 г. это отделение и ставший впоследствии одним из ведущих в СССР специалистов в области уголовного права, отмечал: «В методике преподавания на факультете советского права происходят существенные изменения. Если на правовом отделении ФОНа лекция являлась все же основным звеном в системе юридического образования, то на факультете советского права значение лекционного курса заметно отходит на второй план. Ведущую роль приобретают семинарские занятия, которые состоят в *собеседовании* по заданной теме, в *решении казусов*, в *докладах* по узловым темам. Большое значение приобретает *вводное слово* руководителя семинара. Это вводное слово постепенно все более вытесняет общефакультетскую лекцию»³⁷.

В отчете 1-го МГУ за 1925—1926 гг. при характеристике семинарских занятий констатировалось, что в их проведении, «как правило, единого метода не существовало даже для одного и того же предмета: каждый руководитель руководствовался тем методом, который считал наилучшим. Можно отметить четыре основных метода: 1) решение казусов слушателями, 2) собеседование по теме, разбитой на отдельные вопросы, 3) докладная система, 4) смешанная система, выражавшаяся в сочетании первых трех методов»³⁸.

Отличаясь более продвинутой специализацией в обучении юристов, факультет советского права 1-го МГУ одновременно давал более обширные и глубокие знания фундаментальных юридических наук. Здесь читалось студентам несколько историко-правовых курсов (история институтов частного права, история институтов публичного права, история политических учений, история внешних сношений), тогда как на факультете советского права Ленинградского университета преподавался один общий курс истории правовых институтов. В 1-м МГУ студентам-юристам преподавались по отдельности курсы государственного права СССР и государственного права буржуазных стран, в Ленинградском же университете им читался лишь единый курс государственного права СССР в сравнении с государственным правом буржуазных стран.

³⁶ Рейснер М. А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. М., 1925. С. 36.

³⁷ Герцензон А. А. Московский государственный институт и 185-летие высшего юридического образования (исторический очерк) // Советское государство и право. 1940. № 2. С. 140.

³⁸ Факультет советского права. С. 277.

Наконец, особенностью московского факультета советского права было стремление увязывать преподавание юридических наук с практикой. Михаил Сергеевич Смиртюков, работавший в аппарате Совета Народных Комиссаров (с 1946 г. Совета министров) почти полвека — с октября 1930 г. по июль 1989 г., а с 1964 г. занимавший в этом органе должность управляющего его делами, учился на факультете советского права 1-го МГУ с осени 1927 г. до лета 1931 г. О своей учебе он вспоминал: «Занятия в университете вели крупные специалисты-практики, работающие в государственных учреждениях. Времени на консультации и прием зачетов и экзаменов у них вечно не хватало, и они просто говорили нам: «Пожалуйста, как только будете готовы, приходите ко мне в наркомат, там и поговорим». Финансовое право, например, у нас преподавал Григорий Яковлевич Сокольников — старый большевик и бывший нарком финансов РСФСР и СССР. В то время, когда мы учились у него, он был председателем Нефтесиндиката. А после того как он уехал за границу (его назначили полпредом СССР в Англии), лекции по финансовому праву вместо него стал читать нарком финансов Николай Павлович Брюханов, а когда он тоже ушел из Наркомфина — следующий нарком Григорий Федорович Гринько. Ему же я сдавал итоговый экзамен по этому предмету в 1930 г. Экзаменовал он меня прямо в кабинете. Спрашивал меня и одновременно вел прием сотрудников с разнообразными бумагами. Экономiku промышленности у нас вели консультанты Совнаркома СССР. И сдавать им экзамены мы ходили в Кремль»³⁹.

Студенты, преподаватели, деканы факультета советского права. При поступлении на факультет советского права абитуриенты сдавали экзамены по русскому языку, обществоведению, математике и физике и при получении оценки «удовлетворительно» принимались в студенты⁴⁰. За учебу надо было платить, но студенты, не имевшие средств к существованию, освобождались от платы и им даже назначалась стипендия, а по необходимости и предоставлялось место в общежитии.

³⁹ Смиртюков М. С. «Я по молодости считал, что так оно и должно быть» // Коммерсантъ-Власть. 2011. 22 авг. С. 6.

⁴⁰ Так, экзаменационный лист Варлаама Тихоновича Шаламова показывает, что 22 июля 1926 г. он сдал экзамен по русскому языку с оценкой «удовлетворительно» (правда, в своих воспоминаниях Шаламов написал, что по русскому языку он «получил достойное удовлетворение — при вузе за письменную был освобожден от наиболее нудной части словесности — устного экзамена»), 24 июля — математику с оценкой «весьма удовлетворительно», 26 июля — физику «на удовлетворительно» и 30 июля — обществоведение на «удовлетворительно» (тогда действовала трехбалльная система оценки знаний: «весьма удовлетворительно», «удовлетворительно» и «неудовлетворительно»). В августе 1926 г. он был зачислен в студенты факультета советского права, но окончить факультет ему не довелось. 13 февраля 1928 г. В. Т. Шаламов был исключен из университета «за сокрытие им в момент поступления в Университет своего социального происхождения»: при поступлении написал в анкете, что его отец — инвалид (лишенный зрения) и умолчал о том, что тот был священником.

К учебе на факультете советского права 1 сентября 1925 г. приступило 1734 студента⁴¹. На 1 января 1926 г. здесь обучалось уже 1902 студента⁴². По состоянию на 1 сентября 1926 г. факультет советского права насчитывал 1638 студентов⁴³. К марту 1929 г. число студентов факультета составило 1937 человек. Для сравнения: на правовом отделении ФОНа в последние месяцы его существования обучалось на трех курсах немногим более 800 студентов.

Социальный состав студенчества на факультете советского права в течение всего времени его существования оставался почти неизменным — от 28 до 34% студентов происходили из рабочего класса, 20–24% — из крестьян. В 1928/28 уч. г. 54% студентов факультета составляли выходцы из рабочих и крестьянских семей. 55,5% всех студентов являлись членами или кандидатами ВКП(б), 25,5% — комсомольцами⁴⁴.

И. М. Хорошев, учившийся на факультете советского права в 1925–1929 гг., написал в конце 1940-х гг. воспоминания о своей студенческой молодости, в которых показал, в какой обстановке ему пришлось учиться и какой была окружавшая студенческая среда⁴⁵. Сведения, которые привел Хорошев, в целом совпадают с тем, что сообщил в своих мемуарных записках учившийся с ним на факультете в одно и то же время В. Т. Шаламов, ставший впоследствии известным писателем.

⁴¹ Сведения о числе и движении студентов с 1/1-1925 г. по 1/1-1926 г. // Отчет 1-го Московского государственного университета за 1925–26 г. С. 457. Профессор Ф. И. Вольфсон в своем докладе о работе факультета советского права на заседании бюро секции права и государства Коммунистической академии 22 марта 1929 г. назвал другое количество студентов, приступивших к занятиям при открытии факультета советского права. По его словам, «число студентов на факультете в течение 4 последних лет (1925/26–1928/29) удвоилось (с 999 до 1937)» (*Дзенис О. П. О факультете советского права // Революция права. 1929. № 3. С. 103*).

⁴² Сведения о числе и движении студентов с 1/1-1925 г. по 1/1-1926 г. С. 457. К 1 января 1926 г. 53 человека окончили курс обучения на факультете советского права (ФСП), в течение второй половины 1925 г. 319 человек были по разным причинам, не доучившись, из числа студентов. 540 были приняты на факультет в результате перевода из других вузов и восстановления на учебу.

⁴³ Сведения о числе и движении студентов с 1/1 — по 1/IX-1926 г. // Отчет 1-го Московского государственного университета за 1925–26 г. С. 456. В 1926 г. 457 человек окончили курс обучения на ФСП, в течение первой половины указанного года 542 человека были из числа студентов. 405 человек были приняты в студенты в результате перевода из других вузов и восстановления на учебу. 330 — поступили в августе 1926 г. на 1 курс.

⁴⁴ Эти цифры привел в своем докладе упомянутый профессор Ф. И. Вольфсон (см.: *Дзенис О. П. О факультете советского права. С. 103*).

⁴⁵ Машинописную рукопись этих воспоминаний объемом в 147 страниц, написанную от имени Ивана Михайловича Павлова и обозначенную как «Папка Павлова», обнаружил в 1995 г. в Гуверовском архиве Стэнфордского университета американский историк Дэвид Керанс. Он узнал, что в архив эта рукопись попала в 1950 г., но подлинное имя ее автора установили другие исследователи. Это был Иван Митрофанович Хорошев (1904–1991).

Эти годы были временем острейшей политической борьбы за власть между фракциями ВКП (б). В июле и августе 1926 г. произошло объединение Л. Д. Троцкого с Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым для борьбы со Сталиным и его соратниками, что усугубило раскол в большевистской партии. В партийной организации 1-го МГУ, по свидетельству И. М. Хорошева, более ста человек открыто поддерживали объединенную антисталинскую оппозицию⁴⁶. В их число входил и сам автор этих воспоминаний. Он был членом партийного бюро факультета советского права и поэтому хорошо знал, какие настроения доминировали в то время среди студентов-коммунистов.

Характеризуя обстановку, которая существовала в 1-м МГУ в 1926—1927 гг., В. Т. Шаламов писал в своем мемуарном очерке «Москва 20—30-х годов»: «Переступить порог университета — значило попасть в самый кипящий котел тогдашних сражений. Именно здесь, да еще в двух шагах от университета, в РАНИОНе⁴⁷ велись споры о будущем, намечались какие-то еще не уверенные, но явно реальные планы мировой революции»⁴⁸. По его воспоминаниям, в Московском университете «дискуссии были особенно остры. Всякое решение правительства обсуждалось тут же, как в Конвенте»⁴⁹.

Многие из студентов участвовали в митингах и демонстрациях в поддержку Троцкого. Одно из самых массовых из выступлений антисталинской оппозиции состоялось в день десятилетнего юбилея большевистского переворота. Через три дня — 10 ноября 1927 г. — 25 студентов 1-го МГУ за участие в оппозиционной деятельности были исключены из рядов ВКП (б). Среди них был и студент факультета советского права И. М. Хорошев⁵⁰.

В своих воспоминаниях Иван Митрофанович оставил весьма интересную характеристику той студенческой среды, частью которой являлся. Сравнивая ее с дореволюционным студенчеством, он писал: «Одетые в потрепанные армейские шинели, деревенские домотканые зипуны, в старые выношенные поддевки и пальто и самые разно-

⁴⁶ Павлов И. М. 1920-е: революция и бюрократия. Записки оппозиционера. СПб., 2001. С. 66.

⁴⁷ РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (1924—1930).

⁴⁸ Шаламов В. Т. Москва 20—30-х годов // Шаламов В. Т. Собр. соч. В 6 т. + т. 7 (доп.). Т. 4: Автобиографическая проза. М., 2013. С. 432.

⁴⁹ Там же. С. 434.

⁵⁰ Павлов И. М. Указ. соч. С. 93. По окончании факультета советского права в 1929 г. И. М. Хорошев заведовал военным кабинетом в Московском геодезическом институте. В 1936 г. был арестован и осужден за контрреволюционную деятельность к пяти годам лишения свободы. В январе 1941 г. был освобожден, а после начала войны призван в армию. После войны оказался в эмиграции. Напечатал в эмигрантских русскоязычных изданиях серию очерков о своем пребывании в Воркутлаге под псевдонимом М. Нильский.

образные головные уборы, мы внешне не только не были похожими на прежних франтоватых и безукоризненно одетых студентов, но уступали даже бурсакам. Даже обычно бедно одетый средний советский обыватель выглядел солиднее “пролетарского” студента. Несмотря на это, мы с гордостью и достоинством носили свои скромные одежды, без смущения появляясь в них не только в университете, но и в театрах и других публичных местах.

Студенческая стипендия наша равнялась двадцати рублям в месяц. Это составляло около десяти процентов заработка среднего рабочего. Правда, некоторые студенты получали скромную помощь из дому, но были и такие, которые из своей стипендии вынуждены были оказывать помощь безработным или престарелым родителям. Привыкшие с детства к скромному образу жизни, мы мирились и с бедностью своего студенческого существования»⁵¹.

Хорошев признавал, что студенты, происходившие из семей рабочих и крестьян, хотя среди них было немало хорошо учившихся, способных и одаренных людей, в общем, как правило, уступали дореволюционным студентам в грамотности, начитанности, в культурном уровне. Но при этом советские студенты имели ряд таких преимуществ, которые часто оказывались решающими в их дальнейшей судьбе. «Нашими сильными сторонами были, — отмечал он, — неистребимая жажда знаний, трудолюбие, упорство, высокая мораль и чувство ответственности перед своим народом. Нам не только были недоступны, но и чужды щегольство, всякого рода дорогие развлечения, ресторанные кутежи, пьяные поездки к цыганам, посещение публичных домов и т. д., чему были привержены некоторые слои прежнего студенчества. У нас были и те преимущества, что мы лучше знали свой народ и условия его жизни. Мы не идеализировали и не презирали народ, готовясь честно и самоотверженно служить ему»⁵².

Оппозиционные настроения среди студентов факультета советского права являлись довольно распространенными и радикальными, но направлены они были не на Советское государство, советский общественный строй, а против партийных бюрократов и отдельных партийных вождей. «Наши настроения были просоветскими. — утверждал в своих воспоминаниях И. М. Хорошев. — Они являлись результатом не только отрицания прежних порядков, но и убеждения, что советская власть является революционной властью. Властью, которая организовала разгром дворянской и буржуазной реакции. Вырвала страну из мировой бойни, разрешила земельный вопрос, дала рабочим прогрессивное трудовое законодательство, социальное страхование, бесплат-

⁵¹ Там же. С. 52.

⁵² Там же. С. 53.

ное медицинское обслуживание, бесплатное образование, преодолела экономическую разруху в стране, повысила жизненный стандарт трудящихся, заработная плата которых уже перешагнула дореволюционный уровень, дала стране новые кодексы, свидетельствующие о стремлении к правопорядку и революционной законности. Все эти революционные преобразования и еще более грандиозные планы привлекали наши симпатии и доверие к советской власти, и поэтому так велик был процент коммунистов и комсомольцев среди нас»⁵³.

* * *

Преподавательский состав факультета советского права в его первом учебном году насчитывал 23 штатных и 22 сверхштатных профессора, 10 штатных и 32 сверхштатных доцента, 4 штатных и 8 сверхштатный ассистент. То есть общее количество преподавателей составляло 99 человек. Значительную их часть составляли выпускники юридического факультета императорского Московского университета, а девять человек получили здесь и опыт преподавательской деятельности. Это штатный профессор *А. И. Елистратов*, преподававший советское административное право, и сверхштатные профессора: *Д. П. Боголепов* (семинары по финансовому праву на 2 курсе хозяйственно-правового отделения), *П. П. Гензель* (лекции по финансовому праву на 2 курсе всех отделений), *М. Н. Гернет* (уголовное право)⁵⁴, *В. Н. Дурденевский* (семинары по госустройству буржуазных стран на 3 и 4 курсах международно-правового отделения), *С. А. Котляревский* (лекции по финансовому праву на 3 и 4 курсах международно-правового отделения и на 3 курсе хозяйственно-правового отделения, лекции по курсу «Учение о финансах» на 3 курсе судебного отделения), *Ю. В. Ключников* (лекции по курсу «Советские международные договоры» для студентов 4 курса международно-правового отделения), *П. А. Минаков* (лекции по судебной медицине на 4 курсе судебного отделения), *(Б. И. Сыромятников* (лекции по истории институтов публичного права на 3 и 4 курсах государственно-административного отделения)⁵⁵.

⁵³ Там же. С. 53–54.

⁵⁴ Имя М. Н. Гернета отсутствует в «Обзрении преподавания факультета советского права на 1925/26 ак. г.», но присутствует в «Именном списке профессоров и преподавателей факультета советского права» (см.: Отчет 1-го Московского государственного университета за 1925–26 г. С. 304). В перечне сверхштатных профессоров здесь указано: «Гернет М. Н. — уголовное право».

⁵⁵ Б. И. Сыромятников отсутствует в «Именном списке профессоров и преподавателей факультета советского права» (см.: Отчет 1-го Московского государственного университета за 1925–26 г.), но упоминается в «Обзрении преподавания факультета советского права на 1925/26 ак.г.» (с. 14).

Профессора старой университетской школы с трудом вписывались в атмосферу советского университета, но студенты ценили их как прекрасных специалистов. И. М. Хорошев вспоминал по прошествии четверти века: «На правовом факультете, где я учился, читал лекции по финансовому праву профессор П. П. Гензель. Большой эрудит и прекрасный лектор, он часто не мог сдерживать свои антисоветские настроения. В своих лекциях профессор Гензель критиковал финансовую политику советского правительства, особенно резко осуждая систему беспримерно высоких косвенных налогов в СССР. Партийная организация и деканат нашего факультета хорошо знали о подлинных настроениях профессора Гензеля, но вынуждены были терпеть его как крупного ученого. В 1926 году профессор Гензель был в научной командировке в Лондоне, где ему было присвоено Кембриджским университетом звание доктора права. Когда профессор Гензель вернулся в Московский университет, партийная организация нашего факультета даже организовала ему теплую встречу»⁵⁶.

О профессоре П. А. Минакове, читавшем курс судебной медицины, Хорошев написал в своих воспоминаниях, ошибочно назвав его Миньковым, что он являлся крупным ученым и талантливым лектором, но, «отличаясь крайней религиозностью (был старостой храма Христа Спасителя) и консерватизмом, не скрывал своего отрицательного отношения к новым порядкам. К нему “пролетарское студенчество”, как и к Гензелю, относилось настороженно, однако ценило и уважало этих профессоров как ученых и лекторов»⁵⁷.

С другой стороны, те из преподавателей старой университетской школы, которые старались приспособиться к новым порядкам и разными способами подладиться к студентам, не пользовались уважением в студенческой среде факультета советского права. По словам И. М. Хорошева, «уснащение ими своих учебников и лекций ленинскими цитатами и заигрывание со студентами никого не могло ввести в заблуждение. Наоборот, беспринципность и подхалимаж этих ученых только усиливали недоверие и неприязнь студентов». Такими преподавателями, показавшими себя «ярко выраженными приспособленцами и подхалимами», были, по воспоминаниям И. М. Хорошева, профессор административного права А. И. Елистратов⁵⁸ и штатный доцент А. А. Пионтковский, который вел семинары по уголовному праву на 2 и 4 курсах судебного отделения.

⁵⁶ Павлов И. М. Указ. соч. С. 54–55.

⁵⁷ Там же. С. 55.

⁵⁸ И. М. Хорошев назвал его ошибочно Калистратовым.

Первым деканом факультета советского права стал член коллегии Наркомата юстиции РСФСР *Яков Натанович Бранденбургский* (наст. фамилия: Гольдзинский) (1881—1951). Он занимал эту должность до 1 июня 1929 г. Это был видный большевик, с юных лет принимавший участие в революционном движении⁵⁹. В сентябре 1900 г. он начал обучение на юридическом факультете императорского Новороссийского университета в Одессе, но спустя полтора года был за участие в студенческих беспорядках исключен из университета без права поступления в высшие учебные заведения. Бывший студент стал профессиональным революционером. В 1903 г. он вступил в Одесскую организацию РСДРП. Активная революционная деятельность Бранденбургского в последующие годы неоднократно приводила его к арестам, но суровых судебных приговоров ему удавалось избежать. В апреле 1906 г. он участвовал в работе IV (объединительного) съезда РСДРП в Стокгольме. В 1908 г., спасаясь от очередного ареста и суда (на этот раз по делу об убийстве директора Русско-Балтийского вагонного завода А. Крицкого), Я. Н. Бранденбургский эмигрировал из России и обосновался в Париже. Здесь он продолжил свое юридическое образование, обучаясь в течение трех лет юриспруденции в Парижском университете.

В 1917 г. революционер-юрист вернулся в Россию. В первые годы существования Советского государства он работал в органах, созданных для обеспечения Петрограда и Москвы продовольствием, являлся чрезвычайным уполномоченным ВЦИК по сбору продразверстки и продналога в Курской губернии, а в 1922 г. стал членом коллегии Наркомата юстиции РСФСР.

С этого времени Я. Н. Бранденбургский стал регулярно публиковать свои статьи в печатном органе Наркомюста «Еженедельнике советской юстиции». Их содержание показывает, что по своему мировоззрению он принадлежал к революционному направлению в формировавшемся советском правоведении. Это особенно отчетливо проявилось в его споре по поводу термина «революционная законность» с профессором правового отделения ФОНа 1-го МГУ А. Н. Трайниным.

Арон Наумович не скрывал своего отрицательного отношения к данному словосочетанию, высказывая мысли, которые вполне могли счесть контрреволюционными. В 1922 г. он на страницах журнала «Право и жизнь» открыто выступил против призыва, прозвучавшего в газете «Известия» (в номере за 10 мая): «Сейчас требуется устано-

⁵⁹ См.: Бранденбургский Яков Натанович (Нутович) // Деятели революционного движения в России. Биограф. слов. От предшественников декабристов до падения царизма. Т. 5: Социал-демократы. 1880—1904. Вып. 1. А—Б. М., 1931. Стлб. 473—475.

вить не просто законность, а революционную законность»⁶⁰. «Действительно, — заметил на это А. Н. Трайнин, — *законы* могут быть либеральные и консервативные, полезные и вредные, но *законности* не бывает дурной или хорошей, правой или левой, революционной и реакционной. Революционная законность поэтому юридически так же мало мыслима, как экономически мало мыслим “красный капитал”: есть свои законы, по которым развивается капитализм, равнодушный к окраске и кличке, и есть законность, как некоторая правовая ценность, единая в революции и реставрации, законность как следование законам, без которого ни одна регулярная власть в мире, буржуазная или пролетарская, обойтись не может. Представляется поэтому совершенно неясным, какие мотивы помимо пристрастия к одним и боязни других слов, какая потребность, помимо фразеологической, толкали к упорному выдвиганию революционной природы законности»⁶¹.

Член коллегии Наркомюста Я. Н. Бранденбургский не согласился с профессором Трайниным и подверг его мнение о бессмысленности названия законности революционной острой критике в «Еженедельнике советской юстиции». «“Профессора”, — заявил он, — не знают или притворяются, что не знают, что революционная законность предполагает известную гибкость, что революционная законность меньше обычной законности связана устоявшимися нормами и что в этом суть вопроса. Они не понимают, что революционная законность — это более свободная оценка интересов, которые сталкиваются в конкретных случаях жизни, направленная к ограждению интересов рабоче-крестьянского государства и нужд трудящихся. Они не в состоянии понять, что при революционной законности нужно считаться **с подлинным революционным смыслом закона**, с его духом, с той целью, которую преследовал закон, а не иметь только в виду мертвую букву закона. **Революционная законность**, наконец, — и это нам представляется наиболее существенным, — **не исключает революционной целесообразности**, а должна комбинироваться с ней, чтобы достичь той цели, которая пред ней поставлена историей развития нашей революции»⁶².

Став деканом факультета советского права, Яков Натанович начал читать студентам 4 курса судебного отделения лекции по брачному, семейному и опекунскому праву⁶³. В 1928 г. они были напечатаны Юри-

⁶⁰ Данный лозунг в несколько искаженной форме воспроизводил требование, выдвинутое в одной из резолюций XI Всероссийской конференции РКП (б), заседавшей в декабре 1921 г.: «Очередной задачей является водворение во всех областях жизни строгих начал революционной законности».

⁶¹ Трайнин А. Н. О революционной законности // Право и жизнь. 1922. Кн. 1. С. 6–7.

⁶² Бранденбургский Я. Н. Просто законность или революционная законность? // ЕСЮ. 1922. № 31–32. 24–31 авг. С. 2.

⁶³ Обзорение преподавания на факультете советского права. С. 16.

дическим издательством Наркомата юстиции РСФСР⁶⁴. Их содержание показывает, что автор опирался в изложении своего учебного курса на советские правовые установления, регулирующие брачно-семейные отношения, на труды российских правоведов дореволюционной эпохи, на историю семейного права буржуазных стран, он стремился осмыслить сущность советского варианта брачно-семейного права, выявить его особенности.

Но революционное мировоззрение, господствовавшее в сознании правоведа, заставляло его и на такое укорененное в природе человека явление, как семья, смотреть исключительно с классовой точки зрения, связывать его существование не с чисто человеческими потребностями, а с определенным типом общественного строя и государственности. «Семья, основанная в настоящее время на браке и создающая ряд прав и обязанностей между супругами, родителями и детьми, — утверждал Бранденбургский в своих лекциях, — эта семья, конечно, с течением времени исчезнет и будет заменена государственной организацией общественного воспитания и социального призрения. Но пока этого нет, пока сохраняется индивидуальная семья (а мы далеко не склонны думать, что она всегда и неизбежно будет лежать в основании общества), пока государство не может взять на себя этих обязанностей, мы должны сохранить систему взаимной поддержки внутри семьи»⁶⁵.

Революционное направление господствовало в советском правоведении второй половине 1920-х гг. Его выразителями были такие авторитетные юристы, как *Петр Иванович Стучка*, занимавший с 1923 г. пост председателя Верховного суда РСФСР, профессор факультета советского права 1-го МГУ *Евгений Брониславович Пашуканис*, *Николай Васильевич Крыленко*, являвшийся с 1922 г. заместителем наркома юстиции РСФСР, а также сверхштатным профессором правового отделения ФОНа и затем факультета советского права, профессор *Михаил Андреевич Рейснер*, известный своим активным участием в разработке Конституции РСФСР 1918 г. и в подготовке первых реформ советской высшей школы: с 1922 г. он преподавал на правовом отделении ФОНа общую теорию и историю права, на факультете советского права стал читать лекции по основам советской конституции и истории политических учений.

Правоведы, принадлежавшие к революционному направлению, смотрели на советское право как на явление революционное⁶⁶ и по-

⁶⁴ См.: *Бранденбургский Я. Н.* Курс по брачно-семейному праву. (Лекции, прочитанные на факультете советского права 1 МГУ в 1926/1927 академическом году). М., 1928.

⁶⁵ Там же. С. 20.

⁶⁶ «Только став на революционно-классовую точку зрения, мы и здесь становимся на реальную, объективную почву по отношению к будущему праву, т. е. к той справедливости, которую в былые времена занимались учителя философии права. Но лишь при этих условиях у нас открываются глаза на самую суть *всякого нового права*, как *фактора*

тому временное, обреченное на умирание в социалистическом обществе⁶⁷. Соответственно и законность понималась ими не как способ придания устойчивости сложившемуся в стране государственному строю и правопорядку, а как юридическая форма, обеспечивающая продолжение революционных процессов, поэтому они называли законность революционной⁶⁸.

«Твердо осознанный классовый интерес», определенную и ясную формулу пролетарской диктатуры профессор М. А. Рейснер считал явлением, вполне способными заменить право, юридическое регулирование. В книге, вышедшей в свет в то время, когда в 1-м МГУ создавался факультет советского права, он спрашивал: «Мы так и не знаем, нужно ли нам право, в какой степени оно нам нужно и можно ли мириться с тем, что мы почему-то пролетарскую диктатуру и классовый интерес перекрашиваем в какие-то загадочные правовые образы и формы»⁶⁹. Его ответ на этот вопрос был весьма категоричен: «Если право не “опиум для народа”, то всяком случае довольно опасное снадобье, обладающее в горячем состоянии свойствами взрывчатого вещества, а в холодном всеми признаками крепкого, иногда слишком крепкого, клея или замазки»⁷⁰.

В условиях доминирования в советском правоведении таких идей появление на должности декана факультета советского права 1-го МГУ правоведа-революционера являлось вполне закономерным. Достоинствами Я. Н. Бранденбургского были широкая эрудиция и аналитический склад ума. Яков Натанович мог рассуждать как специалист об институтах не только брачно-семейного права, но и гражданского судопроизводства⁷¹, уголовного права и уголовного процесса⁷², о перспективах систематизации советского законодатель-

революционного» (Стучка П. И. Курс советского гражданского права. Т. 1: Введение в теорию гражданского права. М., 1927. С. 57).

⁶⁷ «Форма права как таковая не таит в себе в нашу переходную эпоху тех неограниченных возможностей, которые открывались в ней для буржуазно-капиталистического общества на заре его рождения. Наоборот, она временно замыкает нас в свои узкие горизонты. Она существует только для того, чтобы окончательно исчерпать себя» (*Папушуканис Е. Б.* Общая теория права и марксизм. М., 1927. С. 82).

⁶⁸ «Революционная законность и революционное право сами являются революционизирующим фактором, как право нового класса,двигающее вперед, устанавливающее новые формы жизни» (*Крыленко Н. В.* По поводу «философских» размышлений тов. Сольца о «революционной законности», о «старом» и «новом» праве и практическом смысле его предложений // Правда. 1925. 8 дек. С. 7).

⁶⁹ *Рейснер М. А.* Право. Наше право. Чужое право. Общее право. М., 1925. С. 33–34.

⁷⁰ Там же. С. 35.

⁷¹ См., напр.: *Бранденбургский Я. Н.* Роль суда в гражданском процессе // ЕСЮ. 1923. № 11. С. 234–236; *его же.* Гражданское судопроизводство в новом суде // Там же. № 1. С. 1–2.

⁷² *Бранденбургский Я. Н.* К постановке вопроса об упрощении уголовного процесса на VI съезде работников юстиции // Там же. 1929. № 1. С. 3–9.

ства⁷³, а также оценивать состояние советской судебной системы в целом⁷⁴, характер преступности в стране⁷⁵, перемены в карательной политике Советского государства⁷⁶ и т. д.

С 16 февраля 1926 г. Я. Н. Бранденбургский совмещал обязанности декана факультета советского права 1-го МГУ с работой в Комиссии законодательных предположений при СНК СССР, в которой участвовал в составлении проекта Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР. После утверждения данного кодекса Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом 19 ноября 1926 г. и введения в действие с 1 января 1927 г. Бранденбургский занимался составлением новых статей, дополняющих уже принятый кодекс⁷⁷.

В сентябре 1928 г. декан Я. Н. Бранденбургский стал ответственным редактором журнала «Еженедельник советской юстиции», в котором он регулярно публиковался с 1922 г. После того как в июне 1929 г. Яков Натанович покинул пост декана, он оставил и должность ответственного редактора указанного журнала.

Новым деканом факультета советского права стал выпускник юридического факультета императорского Московского университета 1912 г. *Николай Иванович Челябинов* (1889—1938). До этого он занимал здесь место сверхштатного профессора, читая полный лекционный курс по государственному праву СССР и союзных республик на 2 курсе государственно-административного отделения и спецкурс по государственному праву СССР второкурсникам международно-правового отделения.

Приблизительно за год до своего назначения на должность декана Челябинов опубликовал статью о состоянии факультета советского права, в которой показал достоинства и недостатки существовавшей в его рамках системы подготовки к юридической профессии. «Рассматривая структуры факультета сов[етского] права 1 МГУ, — писал будущий декан, — можно поставить вопрос — насколько целесообразно и теоретически и практически оправдано выделение особого хозяйственно-

⁷³ *Бранденбургский Я. Н.* К работам по систематизации нашего законодательства // Там же. 1927. № 42. С. 1297—1298.

⁷⁴ *Бранденбургский Я. Н.* Подготовительные меры к реорганизации суда // Там же. 1922. № 42. С. 1—3; *его же.* Два года единой судебной системы (Некоторые итоги и некоторые перспективы) // Там же. 1925. № 1. С. 3—5.

⁷⁵ *Бранденбургский Я. Н.* Несколько мыслей о характере преступности в РСФСР // Там же. № 23. С. 833—835.

⁷⁶ *Бранденбургский Я. Н.* О нашей уголовной репрессии // Там же. 1923. № 15. С. 337—339; *его же.* Первый шаг к пересмотру нашей карательной политики // Там же. 1928. № 38/39. С. 1013—1014.

⁷⁷ *Бранденбургский Я. Н.* Основные поправки к Проекту Кодекса законов о браке, семье и опеке // Там же. 1926. № 5. С. 129—131; *его же.* Жизнь предъявляет свои требования (К новым изменениям Кодекса законов о браке, семье и опеке) // Там же. 1928. № 23. С. 664—667.

правового отделения? Не представлялось ли бы более целесообразным слить его с судебным отделением? По учебному плану эти отделения разнятся довольно значительно: на хозяйственно-правовом отделении мы видим гораздо большее развитие экономических дисциплин, а также дисциплин хозяйственно-правовых; на судебном более богато представлено уголовное право и различные подсобные для деятельности следственных и судебных органов предметы. Далее — целевой установкой хозяйственно-правового отделения, как уже указано выше, является подготовка юристов-работников для нужд наших хоз[яйственных] органов, т. е. юрисконсультов, а судебного — работников суда, прокуратуры и следственного аппарата. Такое разделение функций и учебного плана представляется в значительной мере искусственным. Работник суда не в меньшей степени, чем юрисконсульт хозоргана, должен иметь солидное общеэкономическое образование. Только последнее даст ему возможность правильно понимать экономическую сущность и того факта, который предстанет перед ним, как предмет юридического разбирательства, и тех правовых норм, которые имеют своим назначением регулировать нашу экономику; исходя отнюдь не из буквы закона, советский судья, разбирая тот или иной запутанный гражданско-правовой казус, нередко должен исходить в своем анализе из общих начал нашей экономической политики, достаточно глубоко разбираясь в этих последних. Все это требует от судьи значительной экономической и ленинской подготовки. С другой стороны — и юрисконсульт хозоргана отнюдь не может быть исключительно “цивилистом”. Во-первых, по смыслу своих функций он должен быть “блюстителем законности” в своем учреждении и во-вторых — ему придется выступать в качестве представителя своего учреждения не только в гражданских, но нередко и в уголовных делах. А это говорит о том, что юрисконсульт должен быть вообще юридически образованным юристом, хорошо знакомым и с уголовным правом, и с уголовным процессом. Отсюда, как вывод, естественно напрашивается мысль об объединении этих искусственно разделенных отделений»⁷⁸.

Приведенные суждения показывают, что Н. И. Челяпов считал необходимым ориентироваться в построении системы юридического образования на практику юридической деятельности, на конкретные требования, предъявляемые к той или иной юридической профессии общественной жизнью.

Должность декана факультета, который с осени 1929 г. стал называться факультетом советского строительства и права, Н. И. Челяпов

⁷⁸ Челяпов Н. И. Факультет советского права I Московского Гос[ударственного] Университета // Революция права. 1928. № 3. С. 97–98.

занимал до 15 февраля 1930 г. Его сменил на этом посту *Михаил Ефимович Климов* (1897 — после 25 сентября 1941 г.). В отличие от прежних деканов, он являлся в большей мере государственным служащим, нежели ученым. С 1919 г. М. Е. Климов состоял на службе в ВЧК, ГПУ (с 6 февраля 1922 г.), ОГПУ (с 15 ноября 1923 г.). В 1925–1929 гг. он учился в Институте красной профессуры, в 1924–1930 гг. преподавал в Высшей пограничной школе ОГПУ СССР.

До назначения деканом факультета советского строительства и права 1-го МГУ М. Е. Климов опубликовал целую серию книг и статей, но среди них не было научных работ по юриспруденции. В 1925 г. он выпустил учебное пособие «Техника контрразведывательной службы», в 1927 г. статью «Советское государство и борьба с бюрократизмом»⁷⁹, в 1928 г. опубликовал обзор о деятельности контрреволюции на экономическом фронте⁸⁰ и книгу по истории карательной политики и карательных органов⁸¹, а также статьи «Административно-правовые секции советов»⁸² и «Государственное строительство Парижской коммуны»⁸³. В 1930 г., уже будучи деканом, Климов напечатал статьи «Союзы работодателей и империалистическое государство в Германии»⁸⁴ и «Вредительство — метод классовый борьбы»⁸⁵.

Статья о вредительстве готовилась в качестве передовой для десятого номера журнала «Советское государство и революция права», но автор опоздал с представлением ее в редакцию, поэтому она была опубликована под рубрикой «Классовая борьба и госаппарат».

Главную идею данной публикации М. Е. Климов отразил в ее названии. Досталось в ней и юристам — причем, как тем, кто слепо придерживался правовых форм, так и тем, кто их игнорировал. Автор заявил в данной статье: «Работа старых и “новых” юристов, не освободившихся от реакционного буржуазно-юридического мировоззрения, в нашем советском аппарате принимает явно вредительский характер. И беда заключается в том, что тысячи руководителей советских учреждений, безропотно плетущиеся в своей практической работе за специалистами-законоведами, беспомощно отступающие перед голой формой любого закона, распоряжения, установления, сами или заражаются юридическим воззрением, или, прикрываясь революционной

⁷⁹ Там же. 1927. № 4. С. 23–31.

⁸⁰ См.: *Климов М. Е.* Контрреволюция на экономическом фронте (эпоха НЭПа). М., 1928.

⁸¹ *Климов М. Е.* Очерки по истории карательных органов. (Положение карательных органов и карательная политика в буржуазных государствах и в Советском государстве). М., 1928.

⁸² Революция права. 1928. № 4. С. 93–96.

⁸³ Там же. № 6. С. 53–84.

⁸⁴ Советское государство и революция права. 1930. № 5–6. С. 177–123.

⁸⁵ Там же. № 10. С. 123–136.

фразеологией, плюют на всякую форму и тем самым служат поэтому часто опорой бюрократизма»⁸⁶.

22 октября 1930 г. на должность декана факультета советского строительства и права был назначен *Яков Леонтьевич Берман* (1888–1937), а М. Е. Климов, пробывший на этом посту всего восемь месяцев, возвратился на службу в ОГПУ СССР. Судьба факультета скорей всего была к этому времени уже решена.

Я. Л. Берман в 1912 г. окончил юридический факультет императорского Московского университета, после чего поступил на службу в железнодорожное ведомство. В 1915 г. его призвали в армию, определив рядовым в учебный батальон. В 1918 г. он работал в Народном комиссариате юстиции, а в 1919 г. состоял председателем комитета по снабжению продовольствием в Нижнем Новгороде.

С 1920 г. Я. Л. Берман служил в армейских органах политического управления. В 1920–1922 гг. он являлся заместителем начальника агитпропотдела и заместителем начальника политуправления в 5-й армии Сибири, в 1923–1924 гг. — начальником политуправления Приволжского военного округа, с октября 1924 г. до июня 1925 г. — заместителем начальника высших военно-политических академических курсов.

Я. Л. Берман упоминается в «Обозрении преподавания факультета советского права на 1925/26 ак.г.» в качестве преподавателя, назначенного вести семинары по уголовному процессу на 4 курсе судебного отделения только что созданного факультета советского права 1-го МГУ, в то время как лекции по этому предмету читал А. Я. Вышинский. Однако в «Именном списке профессоров и преподавателей факультета советского права», приведенном в «Отчете 1-го Московского государственного университета за 1925–26 г.», Я. Л. Берман отсутствует. Это связано, вероятно, с тем, что в 1926 г. он был назначен начальником Военно-политической академии имени Н. Г. Толмачева (с 1938 г. имени В. И. Ленина).

В 1928 г. из-за разногласий с руководством РККА Яков Леонтьевич был уволен с этой должности и на время определен на управленческую должность в Государственное издательство. В 1929 г. он перешел на место ученого секретаря в Институт Советского строительства и права Коммунистической академии. Здесь он вскоре стал заместителем директора, а с 22 октября 1930 г. по совместительству и деканом факультета советского права 1-го МГУ.

Первой крупной научной работой Я. Л. Бермана стало его выпускное сочинение, посвященное статистическому исследованию рецидива в детской преступности. Молодой правовед опубликовал

⁸⁶ Там же. С. 134.

ее в виде двух очерков в сборнике статей «Дети — преступники»⁸⁷. Отметив, что преступность — факт социальный, молодой правовед сделал вывод о том, что в преступности несовершеннолетних фактор общественной среды «в особенности получает свое яркое применение, так как несложившейся еще окончательно индивидуальной конструкции несовершеннолетнего логически приходится придавать еще меньшее значение в инициативе, мотивах и побуждении к преступному деянию»⁸⁸.

В годы Первой мировой войны Я. Л. Берман опубликовал целую серию статей по уголовному, военно-уголовному праву и уголовному процессу⁸⁹. Самым значительным его произведением этого периода была статья «Смертная казнь на войне», опубликованная 2 и 9 мая 1917 г. в еженедельной юридической газете «Право»⁹⁰. Молодой правовед попытался в ней ответить на вопрос: в каких пределах фактически может применяться смертная казнь на войне? Он обратился к опыту применения этой меры по российскому законодательству, а также по военно-уголовным законам Австрии, Германии, Франции, Японии. Сделанный им итоговый вывод показывает его приверженность к социологическому подходу при объяснении правовых явлений. «На войне смертная казнь, — писал Берман, — менее всего становится средством борьбы в руках правосудия, как наказание, а начинает уже входить в ряд мер чисто военного характера, цели и задачи которых должны диктоваться только целями и задачами военных действий»⁹¹.

Социологическая методология стала господствующей в советском правоведении с самого начала его формирования, и Я. Л. Берман был

⁸⁷ Берман Я. Л. Рецидив в детской преступности // Дети — преступники. Сб. ст., предисл., под ред. М. Н. Гернета. М., 1912. С. 291—332; *его же*. Соучастие в детской преступности // Там же. С. 333—351.

⁸⁸ Там же. С. 329.

⁸⁹ Берман Я. Л. Незаметные итоги. (Смертная казнь за 1913 год) // Право. 1914. № 1. Стлб. 29—34; *его же*. По поводу проекта нового закона о детях // Там же. № 3. Стлб. 185—195; *его же*. Об уменьшении государственной преступности в России // Там же. № 18. Стлб. 1449—1461; *его же*. К вопросу о разбирательстве уголовных дел о лицах, призванных на войну // Там же. № 33. Стлб. 2405—2410; *его же*. Новые правила о суде в военное время // Там же. № 35. Стлб. 2482—2488; *его же*. Пьянство и преступность // Там же. № 37. Стлб. 2577—2588; № 41. Стлб. 2782—2794; *его же*. Преступность в Германии // 1915. № 17. Стлб. 1247—1252; *его же*. Правительствующий Сенат о сроках давности преступлений // Там же. № 21. Стлб. 1553—1556; *его же*. Из кассационной практики // Там же. № 31. Стлб. 2045—2049; *его же*. По поводу опубликованной части положения о полевом управлении войск в военное время // Там же. № 51. Стлб. 3293—3297; *его же*. По поводу нового закона об уклонении от военной службы // Там же. 1916. № 6. Стлб. 383—391; *его же*. Ответственность за неявку в срок на военную службу // Там же. № 18. Стлб. 1095—1101.

⁹⁰ Берман Я. Л. Смертная казнь на войне // Там же. 1917. № 13. Стлб. 735—745; № 14. Стлб. 814—826.

⁹¹ Там же. № 14. Стлб. 825.

одним из наиболее последовательных ее приверженцев. Об этом свидетельствует содержание его статей, опубликованных в 1918 и 1919 гг. в журнале «Пролетарская революция и право»⁹². Среди них особо выделяется работа «К вопросу об уголовном кодексе социалистического государства». Она носила программный характер, выражая в наиболее радикальной степени идеи революционного направления в советском правоведении. Автор выступил в данной статье против классификации преступлений в кодексе социалистического государства по их внешним признакам, по их тяжести, высказав мнение о том, что в соответствии с основами социалистической мысли оценка опасности преступного деяния в уголовном праве должна зависеть «не от характера, вида или рода преступного деяния, а от характера субъекта преступления, преступника»⁹³. Для приверженцев социалистического строя, пояснял он, является непреложной истиной, что преступление есть результат определенных социальных отношений, поэтому «столь же непреложным для них должно быть и то, что каждый преступник во многом ответствен не за свою вину, а за вину погрешностей в социальном устройстве»⁹⁴. В связи с этим Берман утверждал: «Факт совершения преступления — только повод для принятия мер воздействия против лица, совершившего преступное деяние. И вне зависимости от того, каково оно, серьезно или не серьезно, тяжело или не тяжело, диагноз состояния преступника ставится совершенно самостоятельно»⁹⁵. Соответственно в уголовном кодексе социалистического государства, констатировал он, должна отражаться «опасность преступника (а не преступления)», «классификация преступников (а не преступлений)» — как принцип при выборе мер исправления⁹⁶.

Я. Л. Берман объявлял преступным не запрещенное законом деяние человека, а определенный статус человека. При этом он предлагал такую модель уголовного кодекса, которая предоставляла судьям максимально возможную степень свободы при назначении наказаний. «Поскольку, согласно всех изложенных положений нового кодекса, — писал он, — целью последнего должна быть индивидуализация принимаемых против преступников мер, постольку, бесспорно, новый кодекс не должен знать определенных санкций по каждому преступлению, не

⁹² Берман Я. Л. Наказание или исправление? (По поводу статьи Л. А. Саврасова «Преступление и наказание в текущий переходный период») // Пролетарская революция и право. 1918. № 8—10. С. 46—51; *его же*. О революционных трибуналах // Там же. 1919. № 1. С. 47—78; *его же*. К вопросу об уголовном кодексе социалистического государства // Там же. № 2—4. С. 35—52.

⁹³ Берман Я. Л. К вопросу об уголовном кодексе социалистического государства // Там же. 1919. № 2/4. С. 43.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же. С. 44.

⁹⁶ Там же.

должен содержать указаний, на возможность принятия в определенных случаях только определенных мер. Самый правильный в этом случае порядок только тот, что новый кодекс не должен знать санкций по каждому преступлению. В нем должны быть только указаны (в общей части) виды устанавливаемых им мер исправления для всех преступников, в зависимости от их состояния и вне зависимости от характера совершенного ими преступления. И по каждому преступлению суду должно быть предоставлено право применять любую из перечисленных мер по своему усмотрению. В этом отношении право свободного усмотрения суда, по нашему мнению, в новом кодексе ни по одному преступлению не должно быть ограничено ни указанием на минимум исправительных мер, ни указанием на максимум»⁹⁷.

Таким образом, Я. Л. Берман открыто выступал против установления твердых правовых норм для государственной карательной политики, против подчинения ее принципу законности. Но интересно, что, рассматривая в 1922 г. разработанный Наркоматом юстиции проект Гражданского кодекса РСФСР, он заявлял, что «для разрешения всякого рода конфликтов в области имущественных отношений должны быть установлены твердые гражданские нормы»⁹⁸.

Я. Л. Берман стал последним деканом факультета советского строительства и права. Его пребывание на этом посту заняло всего полгода. Осуществленная в РСФСР весной 1931 г. новая реформа юридического образования привела к ликвидации факультетов советского строительства и права в российских университетах.

Список литературы

1. *Дзенис О. П.* О факультете советского права // Революция права. 1929. № 3. С. 103–105.
2. *Павлов И. М.* 1920-е: революция и бюрократия. Записки оппозиционера. СПб., 2001.
3. *Рейснер М. А.* Право. Наше право. Чужое право. Общее право. М., 1925.
4. *Челяпов Н. И.* Факультет советского права I Московского Гос[ударственного] Университета // Революция права. 1928. № 3. С. 96–98.

Статья поступила в редакцию 10.06.2025; одобрена после рецензирования 01.07.2025; принята к публикации 01.07.2025.

⁹⁷ Там же. С. 47–48.

⁹⁸ *Берман Я. Л.* Марксизм и Гражданский кодекс. (По поводу проекта Гражданского кодекса, выработанного Народным комиссариатом юстиции) // Советское право. 1922. № 3. С. 82.

Vladimir A. Tomsinov*

LEGAL EDUCATION AT MOSCOW STATE UNIVERSITY IN THE SECOND HALF OF THE 1920s: FACULTY OF SOVIET LAW

Abstract. *The article is devoted to the Faculty of Soviet Law, which existed at the 1st Moscow State University from June 1925 to April 1931. Within the framework of this faculty, there was a significant revival of the legal training system that operated at the Imperial Moscow University before the 1917 revolution. The article reveals the background and causes for the new reform of legal education in Soviet Russia, which resulted in the establishment of the Faculty of Soviet Law at Moscow University instead of the law department of the Faculty of Social Sciences; it describes the internal organization of the faculty, analyzes its educational program and the methods of teaching law used here. Special attention is paid to the students, the teaching staff and the heads of the faculty. The article consists of three sections: 1. Introduction, 2. Establishment of the Faculty of Soviet Law of the 1st Moscow State University: its structure, curriculum and methods of teaching law. 3. Students, teachers, and deans of the Faculty of Soviet Law.*

Keywords: Soviet Russia, Moscow University, Soviet jurisprudence, legal education, Faculty of Soviet Law.

For citation: Tomsinov, V.A. (2025). Legal education at Moscow State University in the second half of the 1920s: Faculty of Soviet Law. *Lomonosov Law Journal*, 5, pp. 210–242 (in Russ.).

Bibliography

1. Dzenis, O.P. (1929). About the Faculty of Soviet Law. *The revolution of law*, 3, pp. 103–105 (in Russ.).
2. Pavlov, I.M. (2001). *The 1920s: revolution and bureaucracy. Notes of an oppositionist*. St. Petersburg (in Russ.).
3. Reisner, M.A. (1925). *Pravo. Our right. Someone else's right. General Law*. Moscow (in Russ.).
4. Chelyapov, N.I. (1928). Faculty of Soviet Law, 1st Moscow State University. *The revolution of law*, 3, pp. 96–98 (in Russ.).

The article was submitted 10.06.2025; approved 01.07.2025; accepted 05.12.2025.

* Dr. Sci (Law); Professor, Head of the Department of History of State and Law, Faculty of Law, Lomonosov MSU (Moscow, Russia).